

намъ ученый *intérieur* Боккачъо, знакомятъ съ вопросами, которые его интересовали, съ приемами его работы, работы ощупью, безъ руководства, гдѣ часто инстинктъ замѣнялъ критику. Вспомнимъ, что это годы перелома, когда дописывался *Декамеронъ*, поднимались противъ него голоса серьозныхъ людей, и самъ авторъ переживалъ эпоху Корбачъо. Отъ амурной поэзіи онъ переходилъ къ наукѣ, собираетъ материаль для своихъ латинскихъ трактатовъ; Генеалогіи Боговъ уже заказаны ему королемъ Гуго; нѣкоторыя свѣдѣнія, записанныя въ *zibaldone*, повторяются не только въ нихъ¹⁾, съ такими же нелестными эпитетами по адресу «венета», но и въ *De claris Mulieribus*²⁾, въ *De Casibus*³⁾ и въ комментаріяхъ на Божественную Комедію⁴⁾, съ поправками, уже сдѣянными на поляхъ записной книги. Такъ анекдотъ, разсказанный «венетомъ» о Діогенѣ, вызвалъ исправленіе, что онъ относится къ Гомеру, Тотила у Мартина Попона — замѣчаніе, что это имя ошибочно вмѣсто Аттилы; въ комментаріяхъ все это принято во вниманіе.

III.

Такъ слагались въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ ученыя занятія Боккачъо, въ нихъ онъ искалъ отрѣвлѣнія и покоя; онъ внутренно остынился; вмѣстѣ съ тѣмъ мы начинаемъ встрѣчать его и на почвѣ общественной дѣятельности, въ посольствахъ флорентійской республики. Его донесенія синьоріи, которыми еще пользовались академики *della Crusca*, утрачены, но онъ едва-ли принесли бы намъ новыя данныя къ его характеристикѣ, какъ общественного дѣятеля. Его политические взгляды легко уяснить себѣ изъ его произведеній, порученіе

1) Напр. о Тритонѣ VII, 7.

2) О Паолинѣ, с. 56.

3) О Гайтонѣ, о храмовникахъ, IX, 20, 21.

4) Ed. Milanesi, v. I, p. 125: о Музѣ, Линѣ и Орфѣ, первыхъ поэтахъ-богословахъ.

республики было знакомъ довѣрія не столько къ его дѣловитости, сколько къ его учености, умѣнью владѣть латинскимъ стилемъ и цвѣтисто говорить: время требовало, чтобы при посольствѣ былъ гуманистъ; другіе дѣйствовали, Петrarка и Боккаччо произносили витеватыя рѣчи, плоды кабинетныхъ работъ и выписокъ zibaldone.

Въ одномъ документѣ 1350-го года подъ 11-е ноября говорится о Боккаччо, какъ о бывшемъ посланникѣ въ Романью¹⁾. «Бывшій» (olim) растяжимо; едва-ли имѣется ввиду равеннская поѣздка 1346 г.²⁾; можетъ быть, намъ нечего и выходить изъ предѣловъ 1350 года: по свидѣтельству одного нынѣ утраченаго, впрочемъ, заподозрѣнаго акта, Боккаччо єздила въ Романью именно въ этомъ году, будто бы съ цѣлью передать десять золотыхъ флориновъ дочери Данте, Beатриче, постригшейся въ монастырѣ Санъ-Стефано dell'Uliva³⁾). Поѣздка состоялась во всякомъ случаѣ ранѣе начала октября и пріѣзда Петrarки во Флоренцію. Равенной правилъ тогда Бернардино Полента, относившійся къ Боккаччо такъ-же дружественно, какъ его отецъ Остаджіо⁴⁾). Изъ старыхъ равенскихъ пріятелей⁵⁾ еще былъ въ живыхъ Менгино Меццани, потаріусъ и поэтъ, помнившій Данте, авторъ одной изъ эпитафій на его гробницу, большой знатокъ Божественной комедіи, содержаніе которой онъ изложилъ въ терцинахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поэтическій корреспондентъ Петrarки и Антоніо изъ Феррары, какъ разъ, гостившаго въ Равенѣ при Бернардино⁶⁾.

Не къ этой-ли равенской поѣздкѣ Боккаччо слѣдуетъ отнести его бесѣду съ служилымъ человѣкомъ короля Гуго, Бек-

1) Dominus Iohannes Boccacci, olim ambaxiator transmissus ad partes Romandiola, у Mehus, Vita Ambrosii, стр. CCLXVII.

2) Сл. выше, т. I, стр. 375.

3) Сл. Imbriani, Giorn. Napoletano, N. S., v. VII (подозрительно и самое существование Beатриче).

4) Сл. выше, т. I, стр. 60.

5) Сл. выше, т. I, стр. 375.

6) Ricci, L'ultimo rifugio di Dante Alighieri, стр. 218 слѣд.

кино Беллинчони, напомнившимъ ему о Генеалогіяхъ боговъ? Въ 1346 году, когда Боккаччо жилъ при дворѣ Остаджіо, онъ едвали былъ на столько извѣстенъ, чтобы обратить на себя вниманіе короля, тѣмъ болѣе, что упоминаніе относилось къ заказу, сдѣланному ранѣе¹⁾. Можетъ быть, въ тому же году относится и знакомство съ Донато дельи Альбанцани²⁾; въ 1350 году Боккаччо было 37 лѣтъ; если въ XVI-й эклогѣ Альбанцани называется его старикомъ, то эклога была написана, вѣроятно, въ 1363-мъ году, и «старикъ» подсказанъ ея обстановкой.

Въ эту-то пору нравственныхъ колебаній и совершившагося перелома Боккаччо впервые познакомился съ Петраркою. Онъ далъ тонъ его «новой жизни».

Это было въ 1350 году. Петраркѣ было 46 лѣтъ. Пламенный поэтъ Лауры уступилъ мѣсто мыслителю, серьезно глядѣвшему на задачи жизни. Такъ казалось всѣмъ, представлялось и самому Петраркѣ; это самосознаніе импонировало его современникамъ. Въ сущности, его любовь была одностороння монодія, не знаяшая встрѣчности, не столько страстный мотивъ, сколько тема для художественного анализа своего собственнаго я, допускавшая всѣ средства реторики и объясняющая ихъ излишекъ. Онъ любилъ въ Лаурѣ не столько ее самое, сколько свое собственное чувство, любовался имъ, и когда фавны и дріады хвалили его пѣсни³⁾, естественно и спокойно соединялъ любовь съ идеями славы, Лауру съ символомъ лавра. Позднѣе, когда годы и занятія настроили его строже, новый моментъ также естественно входилъ въ кругъ его самоанализа, и онъ смотрѣлъ, какъ любовь и слава вступали въ борьбу съ идеями добродѣтели, съ мыслью о бренности человѣка и вѣчномъ спасеніи. Что его интересуетъ—это события его внутренняго міра; онъ говорить о нихъ настойчиво и откровенно, съ реторизмомъ убѣждевія, видимо придавая

1) Сл. выше, т. I, стр. 96.

2) Сл. выше, стр. 60.

3) Сл. выше стр. 57.

важное значение всему, что въ немъ происходит. Это всѣхъ и увлекало. Его откровенность показатель самосознанія, какъ и постоянныя обвиненія фортуны, которая хочетъ сломить его—и не сломить. Онъ знаетъ себѣ цѣну и выражаетъ это наивно и увѣренно, съ налетами скромности; это обрядовая фата, прикрывавшая нескромное, но естественное требование славы. Въ юности, говорить онъ, онъ не читалъ Данте, дабы не стать его подражателемъ¹⁾; ревниво бережетъ свой стиль отъ невольныхъ заимствованій²⁾, потому что чувствуетъ свою оригинальность, способность достигнуть вышаго собственными силами. Онъ затѣвалъ большой поэтическій трудъ на народномъ языке, писалъ онъ впослѣдствіи Боккаччо³⁾, и уже собралъ камни и лѣсъ для постройки, но оставилъ. Онъ хочетъ увѣрить настъ, что его *Canzoniere*—отрывки этого грандиознаго цѣлаго, «*Rerum vulgarium fragmenta*»⁴⁾; фрагменты, то-есть обрѣзки, отбросы, смѣялись впослѣдствіи его хулителя⁵⁾. Позже, когда его идеаломъ стали гуманистическія занятія, онъ съ прискорбиемъ смотрѣлъ на свои юношескія забавы, пустячки⁶⁾, но это не мѣшало ему распространять ихъ⁷⁾, потому что они доставляли ему дружбу влиятельныхъ людей, окружая славой его имя⁸⁾. Оттого онъ постоянно возвращается къ ихъ тщательной отделькѣ⁹⁾, какъ къ отделькѣ своихъ эклогъ¹⁰⁾ и стилизациіи своихъ писемъ, тогда какъ Декамеронъ онъ пробѣжалъ, какъ путникъ, который спѣшилъ и смотрѣлъ на ходу: книга написана прозой, для народа,

1) Fam. XXI, 15.

2) Fam. XXII, 2; съ. выше, т. I, стр. 488—9.

3) Sen. V, 2.

4) Vat. 3195; Chigiano L, V, 176; такъ и въ падуанскомъ изданіи 1472 г.

5) У Domenico da Prato.

6) Nugellas, ineptias въ письмѣ къ Малатестѣ Sen. XIII, 10, 1872 года (съ Var. XXXI); *mulplicendis vulgi auribus intenta* въ посвященіи *Familiares*.

7) Sen. XIII, 10; Epist. poet. I, 1: къ Барбато.

8) Sen. XVI, 1; canz. *Quell'antico mio dolce*, v. 110 слѣд.

9) Съ. выше прим. 6, письмо къ Пандольфо Малатестѣ.

10) Fam. XXII, 2, 1859 года и еще въ 1864 году. Съ. De Nolhac, *La bibliothèque de Fulvio Orsini*, стр. 287—8.

она слишкомъ пространна, а жизни осталось немного, лучше посвятить остатокъ дней болѣе серьезнымъ занятіямъ. Такъ писаль онъ въ 1373 году другу Боккаччо¹⁾; но въ пустякахъ Canzoniere была часть его собственного «я». Имъ онъ дорожилъ; онъ полонъ имъ въ уединеніи; въ поэтическомъ otium, котораго онъ ищетъ, онъ никогда не бываетъ одинъ, но онъ убѣждень, что его «я» интересно и для толпы, и любить показываться въ ней, ожидая признанія. Никто не говорилъ такъ простодушно о незаслуженной извѣстности²⁾ и никто такъ не районировалъ своими письмами; онъ пишеть въ виду вѣковъ³⁾. Мы готовы ему повѣрить, что онъ не знаетъ зависти⁴⁾, такъ глубоко въ немъ сознаніе его превосходства; но и зависть къ себѣ онъ ощущаетъ тѣмъ болѣе, что она кажется ему незаслуженной⁵⁾. Онъ ищетъ дружбы, но чаще всего у него встрѣчаются выраженія: онъ любилъ меня, былъ мнѣ преданъ; онъ откровенно сторонится отъ дружбы съ равными, совопросниками, меньшіе ему мнѣ: это призванные, беззавѣтные поклонники, къ нимъ онъ спускается запросто, интимно; таковы его отношенія къ Заноби и Нелли. Если онъ совѣтуется⁶⁾ избѣгать близости съ высшими, то здѣсь его собственный, житейскій опытъ противорѣчилъ ему, но онъ величаво выходилъ изъ противорѣчій, можетъ быть, не столько въ силу счетовъ съ своей совѣстью, сколько въ силу своего самомнѣнія. Оно то и помогло ему рѣшить для себя вопросъ, волновавшій всѣхъ, кто подобно ему стремился отдаться исключительно гуманистической наукѣ и поэзіи и въ поискахъ за обеспеченнѣстю и свободой находилъ первую и терялъ вторую — въ служевіи какому-нибудь кульнурному тирану, «хозяину пѣ-

1) Sen. XVII, 3.

2) Fam. XIX, 16 и passim.

3) Epist. poet. II, 4: nec unquam Scribere concipio, quin secula cuncta paranti — Occurrant.

4) Fam. XXI, 15 и passim.

5) Сл. напр. Epist. poet. II, 11: къ Зонзу; III, 9: къ Заноби.

6) Экл. III, сл. выше стр. 56.

ридъ». Разставшись съ своимъ покровителемъ, Джованни Колонной¹⁾, Петрарка указываетъ на причины своего удаленія: Джованни состарѣлся, когда-то любезный, онъ сталъ суровѣе и несговорчивѣе, а онъ, Петрарка-Амиклъ, чаетъ себѣ въ старости — свободы. Кто свободенъ духомъ, отвѣчаетъ ему Джованни, теряетъ званіе служителя. Эту точку зрѣнія усвоилъ себѣ Петрарка, когда дружилъ съ Аццо деи Корреджи и жилъ при дворѣ Висконти: онъ чувствовалъ себя интеллектуально свободнымъ въ материальномъ рабствѣ, лишь бы оно не связывало его занятій²⁾; увѣрялъ себѣ, что никогда не поступался своей свободой³⁾, не способенъ льстить, толкаться у чужихъ пороговъ⁴⁾, не разъ отказывался, когда папы предлагали ему мѣста въ куріи, именитые люди и синьоры Италии умоляли принять ихъ гостепріимство⁵⁾. Онъ умѣлъ внушать уваженіе, обязывалъ имъ, его вниманіе цѣнилось на вѣсъ золота; съ Фаціо дельи Уберти Луккино Висконти обходится какъ сытый баринъ съ бѣднымъ поэтомъ, за Петраркой онъ ухаживаетъ. Да у него и нѣть наиболѣшихъ, подсказывала Петраркѣ его гордость: онъ имъ нуженъ, не они ему⁶⁾, онъ выше ихъ головою; они обязаны прислушаться къ его вѣщаніямъ и суровымъ глаголамъ обличенія. Они — та-же толпа, прикованная къ славѣ гуманиста и оплачивающая его досуги.

Съ этимъ вмѣстѣ онъ входилъ въ роль учителя, проповѣдника; онъ создавалъ репутаціи, ростилъ славу; обильно лились и словоохотливо развивались афоризмы, старые и новые, пышная классическая фраза придавала неожиданный блескъ будничной житейской истинѣ, раскрывались перспективы антика, заманчивыя и величавыя. Петрарка вживался во всѣ эти фантазіи, слушатели увлекались эстетически идеалами доблести и величія,

1) Ганимедъ VIII-й эклоги, 1347 года.

2) Fam. XIII, 5, 1352 года: къ Нелли, и passim.

3) Сл. письмо къ потомству.

4) *De contemptu mundi*, dial. II, стр. 345.

5) Fam. XIV, 4; сл. *Contra med. Inv.* II, стр. 1088, 1094, 1095.

6) Sen. VII, 12.

перенося громы укоровъ и обоняя ѿміамъ похвалъ; это щекотало нервы, какъ несбыточные сказочные страхи, отъ которыхъ по тѣлу бѣгаютъ мурашки; возбуждало благородныя чувства и очищало страсти, какъ въ драмѣ, не обязывая къ дѣлу и не вызывая гнѣва, тѣмъ болѣе, что самъ Петрарка постарался избѣжать его, устранивъ свое имя и имена адресатовъ изъ послѣдняго изданія такъ называемыхъ *Epistola sine titulo*. Реторическій паѳосъ не шелъ въ немъ въ уровень съ гражданскимъ чувствомъ, и его инвективы противъ римской куріи сводились къ обличенію изъ-за угла, вродѣ того посланія «Левіаѳана, князя тьмы», которое при Клементѣ VI нашли однажды въ Авиньонѣ, у дома одного кардинала: посланія къ намѣстнику Левіаѳана и его слугамъ, кардиналамъ и прелатамъ, съ благодарностью за ихъ усердіе и въ надеждѣ грядущей побѣды надъ Христомъ¹⁾.

Такими-же эстетическими идеалами измѣряется и общественное вліяніе Петрарки; онъ самъ его характеризовалъ, говоря обѣ участіи Кола ди Ріенцо: трибуны свободы очутился въ Авиньонской тюрьмѣ, его можетъ спасти — развѣ репутація поэта, писаль Петрарка къ Нелли²⁾, приглашая его посмѣяться вмѣстѣ съ нимъ и понегодовать. Но къ самому Петрарку относились, какъ къ поэту, оратору при дѣловыхъ людяхъ, а онъ воображалъ, что вѣщаетъ серьозно, тѣмъ серьезнѣе, когда дѣло шло о вопросахъ этики. Въ такихъ случаяхъ онъ становился наставникомъ нравственности: его борьба съ самимъ собою получила въ его глазахъ значеніе подвига, она-то и давала ему право на учительство. Онъ самъ поборолъ себя, и трудная побѣда осѣнила его какимъ-то элегическимъ ореоломъ; онъ суровъ, иногда до черствости, его рѣзкія отношенія къ сыну Джьованни, о которыхъ мы знали до сихъ поръ лишь изъ его нареканій и которыхъ освѣтила недавно корреспонденція Нелли³⁾, показываютъ, что и

1) *Anzeiger f. Kunde d. deutschen Vorzeit* XVI, стр. 9—11; см. Matteo Villani II, 48.

2) *Fam.* XIII, 6, 1852 г.

3) Cochin, № XXIX.

въ своихъ отцовскихъ чувствахъ онъ не покидалъ того-же эгоистического критерія, не чуткаго къ человѣческимъ типамъ, если они не подходили подъ его идеальную мѣрку. Часто говорить онъ о бренности, объ аскезѣ: это столько-же христіанское настроеніе, сколько рельефъ глубоко-ощущаемой духовной жизненности. Въ его заглавной характеристикѣ у Бокаччо мы подчеркнемъ его привѣтливость, степенность, склонность къ смѣху—не къ распущенному хохоту Декамерона: онъ и не шелъ къ его фигурѣ, задрапированный въ широкія складки восторговъ и негодованій, показно-спокойной и таинственной.

Она произвела на современниковъ невыразимое впечатлѣніе: внезапно явился передъ всѣми, въ живомъ осуществленіи яркаго таланта и наивнаго самосознанія, идеаль, къ которому шла вся эволюція личности. Этимъ объясняются окружившіе Петrarку лучи народной славы,—не вліяніемъ его сочиненій, которыя распространялись тухо, такъ что даже его флорентійскіе друзья и почитатели многихъ изъ нихъ не знаютъ и путаютъ ихъ заглавія¹⁾). Его обаяніе было личное, но онъ умѣлъ поддержать его и вчужѣ; его носить на рукахъ, передъ нимъ работаютъ, синьоры и грамматики заслушиваются его, когда за столомъ у французскаго короля онъ бесѣдуетъ о фортунѣ; забываются о ёдѣ, когда въ обществѣ дамъ онъ читаетъ свои итальянскія стихотворенія²⁾; собираются его письма, перехватываютъ ихъ³⁾, списываютъ, выпуская адреса, какъ назиданія, какъ философскіе трактаты. Воклюзъ становится цѣлью литературного поломничества⁴⁾, Петrarка пишетъ Роберту, графу ди Баттифолле, извиняясь, что обращается къ нему, хотя и не знакомый; мнѣ-ли не знать тебя! восклицаетъ Робертъ, вѣдь твое имя славно повсюду,

1) Сх. сопоставленіи у Cochin, I, стр. 41 слѣд. и письма № I, XIV, XXIV, XXVIII.

2) Donato degli Albanzani у Hortis, Scritti inediti, стр. 282.

3) Fam. V, 16; XVIII, 7; XX, 6; Sen. XVII, 4 = Fracassetti, т. II, стр. 568.

4) Сх. Fam. XII, 12; Бокаччо, De Fontibus, а. v. Sorgia; сх. еще Contra med. Inv. IV, стр. 1111.

до звѣздъ и выше эоира — и онъ просить поэта посѣтить холмы Апеннинъ: я и они молимся на тебя¹⁾). Это богъ въ человѣческой плоти, говорилъ о Петраркѣ Бенингтон²⁾; клянусь Богомъ и моей совѣстью, пишетъ Петраркѣ одинъ изъ скромныхъ его поклонниковъ³⁾, никого я такъ не люблю, какъ тебя, никто такъ не присущъ моей душѣ; съ юныхъ лѣтъ я привыкъ давиться и поклоняться тебѣ, избралъ тебя вождемъ, идеальнымъ образцомъ жизни⁴⁾; такъ прельстила меня твоя человѣчность, обаяніе личности⁵⁾, какое-то невѣдомое страстное чувство⁶⁾, что нерѣдко я пренебрегалъ твореніями другихъ славныхъ мужей и стремился лишь къ твоимъ, всюду ихъ собирая⁷⁾.

Чаще всего этотъ невѣдомый, страстный порывъ, это благоговѣніе выражались въ формахъ чувства, занявшаго видное мѣсто среди эстетическихъ идеаловъ гуманизма: чувства дружбы, смѣшанного изъ любви къ интеллектуальному содержанію личности и самолюбія; именно къ гуманистической разновидности дружбы идетъ опредѣленіе La Rochefoucauld: что это общеніе, въ которомъ самолюбіе всегда разсчитывается на выигрышъ⁸⁾. Въ 1344-мъ году парижскій судья и поэтъ Габрій (Габріэле) Заморео обратился къ Петраркѣ съ стихотворнымъ посланіемъ: имъ движутъ любовь и страхъ; любовь, ибо обновились древніе нравы, снова наступило царство Сатурна, золотой вѣкъ, явились и прежніе доблестные мужи: Гомеръ и Маронъ и Овидій ожили въ Петраркѣ — и Габрія обуяло желаніе овладѣть его любовью, вступить съ нимъ въ союзъ Ореста и Пилада, Низа и Евріала, Тидида и Улісса. Но любовь породила и страхъ: первое условіе

1) *Ego te cum illis adoro.* Сл. Mehus, *Vita Ambr.* стр. CXXVI.

2) Voigt, *Briefsammlungen* стр. 29.

3) Paolo di Bernardo.

4) *Imaginarium vite testem.*

5) *Presencia rerum?*

6) *Secretus ardor.*

7) Voigt. I. c., стр. 81.

8) *Un commerce, où l'amour propre se propose toujours quelque chose à gagner.*

дружбы — слово, слова пытаются путь къ сердцу, языкъ его вѣстникъ; Габрій хочетъ писать, но какъ писать такому поэту? Тутъ побѣдила любовь: пусть Петрарка не погнушается принять его въ число друзей, богатый — бѣднаго, пусть ихъ сердца соединятся, ты будешь старшимъ, я меньшимъ; будь вторымъ «я»¹⁾.

Боккаччо готовъ стать однимъ изъ меньшихъ братьевъ. Онъ еще не знакомъ съ Петраркой, восхищался его лирикой, читалъ немногія изъ его латинскихъ произведеній, и благоговѣя передъ нимъ издали, собираетъ о немъ свѣдѣнія со словъ другихъ. Съ этимъ материаломъ въ рукахъ онъ написалъ въ 1348—9-хъ годахъ коротенькую біографію-панегерикъ, гдѣ довольно вѣрно схвачены характеристика и вѣшній обликъ поэта и понятны нѣкоторые недочеты²⁾. И Петрарку, какъ Боккаччо, съ юности влекло къ поэзіи, Аполлонъ и піэриды посѣщали его, когда въ Болонью онъ принужденъ былъ слушать лекціи права; и у него помѣхой явился отецъ, не понимавшій призванія сына, предпочтая временное вѣчному; но и въ Монпелье, куда отецъ перевелъ его для продолженія юридическихъ занятій, онъ, горя касталійскимъ пламенемъ, продолжалъ отдаваться поэзіи. Чѣд онъ совершилъ, то показываютъ его творенія, говорить Боккаччо; если бы дозволено было усвоить себѣ мнѣніе самосского философа о переселеніи душъ, можно было бы сказать, что въ Петраркѣ обновился, по отношенію къ поэзіи, Виргилій, по отношенію къ нравственной философіи Цицеронъ и Сенека. Въ уединеніи Воклюза, прелести котораго онъ самъ изобразилъ въ стихотворномъ посланіи³⁾ къ Діонисию изъ Борго Санъ Сеполькро, Петрарка написалъ многое въ прозѣ и стихахъ, между прочимъ великий и чудесный трудъ, обличающій скопье божественный, а не человѣческій умъ: свою Африку. —

1) *Mehus, Vita Ambr.* стр. CCI слѣд.

2) Напечатано у Rossetti, G. Celso и Boccaccio.

3) *Carmine Calliopeo*.

Слѣдуютъ нѣсколько словъ о пребываніи поэта въ Авиньонѣ и у короля Роберта, передъ лицемъ котораго онъ такъ изящно защищилъ свою науку и науку древнихъ поэтовъ, что король, жаждавшій познать все похвальное, бросилъ занятія богословіемъ и философіей, чтобы отдаваться тому, что дотолѣ презиралъ. Вѣнчаніе ва Капитолії, о чёмъ Петрарка самъ писалъ въ стихотворномъ посланіи къ Баррили, и переѣздъ въ Парму, гдѣ онъ и *теперь* пребываетъ, — вотъ послѣднія біографическія даннныя панегерика, переходящаго въ портретъ, писанный заглавно, но любовно, по слухамъ, но съ увлечениемъ и видимымъ желаніемъ уяснить себѣ идеальный образъ человѣка, который и въ глазахъ современниковъ представлялся стоящимъ на пьедесталѣ. На этомъ солнцѣ нѣть пятенъ, развѣ — любовь; но пѣвецъ любви забыть, ушелъ безъ остатка въ морализующаго гуманиста. Лаура оказывается аллегоріей лавра, славы, какъ и Филиппо Виллани знаеть ее символомъ и Джьякомо Колонна подозрѣвалъ, что онаничѣмъ инымъ и не была¹⁾); вспомнимъ, что въ началѣ 40-хъ годовъ Боккаччо искалъ успокоенія въ идеализації Фьямметты.—И такъ Петрарка блещетъ не только умомъ, но и нравами; любитель уединенія, охотно называющій себя Сильвіемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обходителенъ, радушенъ и всѣмъ доступенъ; для того, чтобы свободнѣе отдаваться своимъ занятіямъ и избѣгнуть мірскихъ дрязговъ, онъ сталъ клерикомъ по жизни и одѣждѣ, но ограничился лишь незначительными бенефиціями, избѣгая большихъ, какія предлагали ему папы, дабы не попасть изъ Сциллы въ Харибу. Онъ высокъ ростомъ, красивъ, съ круглымъ, нѣсколько смуглымъ лицомъ; глаза серые, привѣтливы и проницательны; движенія отличаются сдержанностью; онъ часто отдается веселому смѣху, никогда глупому хохоту; говорить степенно и шутливо, но большую частью вызванный вопросомъ, и тогда отвѣчаетъ такъ обдуманно и вѣско, что и простые люди не могутъ не испытать обаянья его рѣчи.

1) Fam. II, 9.

Со многими прославленными людьми бываетъ, что при знакомствѣ съ ними они оказываются ниже своей репутаціи; съ Петраркой наоборотъ, какъ то я *собственными ушами слышалъ* отъ нѣкоторыхъ достойнѣйшихъ людей, подтвердившихъ это клятвенно, говорить Боккаччо, продолжая характеристику — похвалой уму и памяти Петрарки, его любви къ музыкѣ, которой онъ самъ занимается. Онъ терпѣливъ, рѣдко сердится, правдивъ и вѣренъ слову, хорошій христіанинъ; одинъ его недочетъ — сладострастіе, не побѣдившее его окончательно, но только обуревавшее; если ему и пришлось пасть, онъ, по слову писанія, совершилъ мудро то, чего не въ силахъ былъ совершить цѣломудрено. Всему этому не противорѣчатъ его итальянскія пѣснопѣнія, въ которыхъ онъ говорить о своей страстной любви къ Лауреттѣ, потому что, какъ онъ самъ увѣряетъ, и я ему вѣрю, Лауретта означаетъ лавровый вѣнецъ, которымъ онъ и былъ впослѣдствіи украшенъ. Многое, достойное памяти, написалъ по сю пору сей славный мужъ: прежде всего свою Африку, которую онъ еще не показываетъ, но многіе, видѣвшіе эту поэму, считаютъ ее гомерической; нѣкій діалогъ¹⁾, эклогу Argus (послѣ 1345 года), нѣсколько стихотворныхъ посланій и комедію Филострато (ошибочно, вмѣсто Philologia), которую Боккаччо очевидно, не читалъ, но готовъ поставить выше Теренціевыхъ. — Если бы онъ захотѣлъ перечислить и еще многое, у него не хватило бы времени, и онъ предоставляетъ сдѣлать это другимъ.

«Я написалъ это болѣе самоувѣренno, чѣмъ краснорѣчivo», кончаетъ Боккаччо, и это даетъ намъ точку зрѣнія для внутренней оцѣнки его труда. Это похвальное слово тому жизненному идеалу, къ которому влекло теперь его самаго; ему видимо миль образъ человѣка, пережившаго ту-же борьбу за призваніе поэта, тѣ-же волненія страсти, и видимо успокоившагося въ чувствѣ мѣры идержанности. Такому человѣку онъ отдастся.

1) *De secreto conflictu curarum suarum*, 1342 года.

Съ 1347 года Петрарка снова жилъ въ Италии, главнымъ образомъ въ Пармѣ и Падуѣ, дѣлая поѣздки по сторонамъ. За нимъ стояла репутація *Canzoniere*, таинственной Африки, діалоговъ *De secreto conflictu curarum suarum* (1342); его трактать *De Vita Solitaria* начать въ 1346, *De otio religiosorum* въ 1347 году. Луккино Висконти, тогдашній властитель Пармы, хочетъ привлечь его къ себѣ, просить стиховъ и присылки растеній изъ его сада — и Петрарка величаетъ его въ прозѣ и стихахъ, говорить о его правосудії и милости¹⁾), за качествами правителя забывая недостатки человѣка. Въ 1348 году чума унесла въ Авиньонѣ Лауру, «изнаменитую своею собственною доблестью и всюду прославленную моими стихами»²⁾), отмѣтилъ Петрарка на поляхъ своего *Virgilія*. Римскій юбилей 1350 года привлекъ, въ числѣ другихъ паломниковъ, и Petrарку, и его путешествіе было рядомъ гуманистическихъ тріумfovъ. Во Флоренцію, родину своихъ предковъ, откуда его отецъ изгнанъ былъ съ партіей Данте, онъ вступилъ въ первый разъ въ началѣ октября 1350 года. Здѣсь его ждали флорентійскіе гуманисты: Лапо да Кастильонкіо, ученый юристъ гуманистического оттѣнка, знакомый намъ грамматикъ Заноби да Страда; Франческо Нелли, нотаріусъ епископской куріи и пріоръ церкви св. Апостоловъ; Форезе деи Донати, плебанъ св. Стефана въ Ботена, котораго Нелли зоветъ своимъ учителемъ³⁾), знаявшій наизусть всего Угуччоне⁴⁾, поклонникъ Данте⁵⁾, авторъ небольшой миѳологической родословной, которую списалъ Боккаччо⁶⁾; наконецъ Боккаччо. Съ Лапо ди Кастильонкіо, которому Petrарка не могъ простить его измѣны поэзіи, онъ и ранѣе состоялъ въ перепискѣ⁷⁾; съ Фо-

1) *Justitiaque regit populos.... Parcere subjectis et debellare superbos.*

2) Съ. Epist. I, 7: *Carminibusque ornata meis auditaque longe.*

3) Cochin, № XI, XXVIII; съ. стр. 184.

4) I. c. № XIII.

5) I. c. № XXVIII.

6) Съ. выше, стр. 102.

7) Съ. Fam. VII, 16 (1349 г.).

резе онъ, очевидно, знакомъ былъ прежде, чѣмъ въ 1352 году видѣлъ его въ Авиньонѣ¹⁾; съ другими онъ сблизился теперь. Заноби и Нелли принадлежали къ той меньшей братіи гуманизма, среди которой Петрарка обрѣталъ друзей: люди податливаго типа, невольно увлекающіеся въ колею болѣе сильнаго, потому что сила ихъ закупаетъ и они не отѣляютъ человѣка отъ принципа; мирные энтузіасты дѣла, которое они не прочь променять на выгоды, но безусловные, вѣрующіе поклонники Петрарки. Ихъ преданность его и привлекала; они выростали въ его глазахъ, выростали и въ мнѣніи современниковъ; по его словамъ все это — замѣчательные люди, съ надеждой на память въ потомствѣ, съ патентомъ на величіе²⁾). Онъ подружился съ ними; если между нимъ и Заноби произошло временное охлажденіе, то Нелли навсегда остался его милымъ Симонидомъ: ему онъ посвящаетъ свои старческія посланія, станетъ заботиться о его литературномъ наслѣдіи; сохранился сборникъ писемъ Нелли къ Петраркѣ, составленный подъ его руководствомъ и съ его надписаніями; въ концѣ его пріютилось одно посланіе Атчьяйоли,— и одно Боккаччо (*una ex mille*)³⁾. Корреспонденція Петрарки и Нелли указываетъ на близость, въ которой одинъ отдавался другому, тотъ отвѣчалъ почтительной откровенностью.

Нелли, изъ старой флорентійской семьи Ринуччи, былъ нѣсколько моложе Петрарки⁴⁾; священникъ и поэтъ⁵⁾, отозвался онъ о немъ, да и самъ Нелли говорить о своей грубоватой музѣ⁶⁾.

1) Сл. письмо Нелли, № VI у Cochin, отъ 21 августа 1851 года.

2) Сл. Нелли у Cochin № XIII, стр. 208, № XX, стр. 259; Petrarc. Sen. III, 1 и Fam. XVIII, 9.

3) Сл. Corazzini, стр. 123 слѣд.; De Nolhac, Petrarque et l'humanisme, стр. 97—8, прим. 1. Сборникъ писемъ Нелли давно извѣстенъ изслѣдователямъ; имъ пользовались и кое-что извлекали изъ него Hortis (въ Studi e Scritti inediti di Petrarca) и De Nolhac (I. c.). Полное ихъ изданіе, явившееся уже во время печатанія этого труда, принадлежитъ Cochin, I. c.

4) Sen. XVII, 2.

5) Sen. III, 1.

6) Cochin, № XXIX: meam, quamvis est rustica, musam.

Онъ впрочемъ предпочиталъ прозу стихамъ¹⁾, и его письма обнаруживаютъ, что въ латинской прозодіи онъ слабъ, воспитался въ преданіяхъ средневѣковой эпистолографіи и схоластической латыни, не понимаютъ въ письмѣ къ нему Петрарки (и не онъ одинъ, а и Форезе) слова *patheticus*²⁾ и портить реторикой школы выраженіе искренняго чувства³⁾. Его литературные вкусы растутъ на нашихъ глазахъ; это влияние Петрарки; онъ начинаетъ вчитываться въ классиковъ, жалѣть, что такъ поздно познакомился съ ними: они такъ полно отзѣчаются его настроенію, его мысли. Но Петрарка выше всего, ибо, какъ никто изъ грековъ и лatinянъ, онъ соединилъ въ себѣ искусство поэзіи и прозы, Виргilia съ Цицерономъ; все, что ты пишешь, отзывается антикомъ, чистый антикъ, пишеть ему Нелли⁴⁾; ему стыдно писать Петраркѣ, его собственный стиль неотесанъ, неотдѣланъ, у него нѣтъ даже самыхъ общихъ свѣдѣній⁵⁾. О чемъ только не разспросилъ бы я тебя, чего-бы отъ тебя не наслышался, а тебя нѣтъ со мною!⁶⁾. Онъ видѣлся съ ними всего два раза въ жизни, въ теченіи нѣсколькихъ дней, во Флоренціи, этого было достаточно, чтобы привязать его къ нему навсегда. Петрарка обратилъ на него вниманіе, обласкалъ, поднялъ его въ его собственномъ мнѣніи и мнѣніи другихъ: кому-нибудь не сталъ бы онъ писать, я чегонибудь да стою; я былъ нагъ, ты одѣль меня своей хвалой, извлекъ изъ неизвѣстности⁷⁾, восклицаетъ Нелли. Что-бы онъ далъ, чтобы жить вблизи къ Петраркѣ! Его образъ неизгладимо запечатлѣлся въ его памяти, онъ лелѣть его и дорисовываетъ: ему хочется знать все, до подробностей, какъ Петрарка проводить день,

1) Sen. I, 1.

2) Cochin, № XIII и Fam. XVIII, 7.

3) Сл. въ № 1 обращеніе къ лошади, лягнувшей Петрарку, № XX, стр. 256—7 у Cochin.

4) Сл. его письмо № XIV; сл. № XIII: *tu in metro delectas, tu in prosa prodes, tu in utroque gnaviter utrumque atque ingenue concatenas.*

5) Сл. №№ V, VI, VIII и passim.

6) № XXVI: *Omnesque vident Petrarcam meum, ego nichil.... Quot mihi quaerenda essent, quot audienda?*

7) №№ XIII, стр. 208—9; XX, стр. 258—9; сл. № XXIV in fine.

какъ онъ одѣтъ, каковъ его образъ жизни¹⁾). Какой-то Франческо побывалъ у Петрарки и разсказывалъ во Флоренціи о своихъ впечатлѣніяхъ, бесѣдахъ, драгоцѣнныхъ книгахъ, которыя онъ видѣлъ, къ которымъ прикоснулся. Онъ считалъ себя счастливымъ; я счелъ-бы себя блаженнѣйшимъ, увѣряетъ Нелли²⁾). Въ флорентинскомъ кружкѣ Петрарка декламировалъ стихи: не забуду я твоихъ полныхъ сдержанности движений, то вправо, то влево, то медленныхъ, то быстрыхъ, соответственно рѣчи, пишетъ поклонникъ; таковыми представились мнѣ тогда твои нравы, что лучшихъ не внушилъ и не проявилъ бы Цицеронъ. Ни одна красавица, какъ бы ни поражала она цѣломудріемъ взгляда и богатымъ нарядомъ, не произвела-бы на меня такого впечатлѣнія: она действуетъ на чувство, ты овладѣваешь умомъ и душою³⁾). Въ поклоненіи Нелли Петраркѣ есть что-то женственное, платонически-страстное; онъ молится—божеству его имени⁴⁾, его чувство—жестокая любовь (*stigdelem amorem*), скорѣе благоговѣйная преданность къ человѣку, который своимъ примѣромъ, нравами (Петрарка—*parthenias*, какъ Виргилій) указываетъ ему путь къ небу⁵⁾). Онъ счастливъ, что родился современникомъ Petrarchi, котораго зоветъ своимъ «поцѣ-
луемъ и сладкимъ вздоханіемъ», угѣшенiemъ, братомъ, другомъ, отцемъ, учителемъ⁶⁾; ты всѣхъ привязываешь къ себѣ; всѣхъ опьяняешь, поднимая своей дружбой и менѣе достойныхъ⁷⁾; ты свѣточъ міра⁸⁾). Скажи мнѣ, на какой наковальнѣ правишь ты слова и самое ихъ написаніе такъ, что ихъ благовоніемъ напол-
няется міръ? дивится Нелли; это обращикъ его риторики⁹⁾. Часто

1) Fam. XXI, 18.

2) Cochin, № XX.

3) № XIII.

4) № I: *qui tuum nomen adorant et numen.*5) № IV; с. XXV: *calamus amoris flammivomus.*6) № V: *meum suavium ac dulce suspirium;* с. № IX, XIII, XVIII.

7) № VII.

8) № XI.

9) № XVII; с. № XIV: сходное сравненіе по поводу Стаци: *nunc triti ac confricati piperis fragrantis suavius sentiebam odorem.* С. № II: *eleganter evomere.*

ему снится, что онъ бесѣдуетъ съ Петраркой¹⁾; онъ страдаетъ, не получая отъ него вѣстей, его посланія влекутъ его какой-то невѣдомой, чудесной силой²⁾ и онъ гордится, что изъ флорентийскихъ друзей онъ одинъ взысканъ его письмами³⁾.

Петрарка не могъ не оцѣнить эту безконечную преданность; ты заполонилъ меня, писалъ онъ Нелли вскорѣ послѣ первого знакомства; я не могу забыть тебя. Онъ охотно ему пишетъ, даже надѣдаетъ письмами, хвалить его стиль, его «божественное краснорѣчіе»; одно простенькое письмо друга онъ сравниваетъ съ красавицею, которую ея милый засталъ въ неглиже: все въ ней изящно, и краска стыда, и разсыпанные волосы, и открытая, вздывающаяся грудь, голые ноги и платье на распашку. Чувствуется дрожаніе въ ея голосѣ, и ея рѣчи милѣе въ ихъ естественной простотѣ и смущеніи⁴⁾. Любовь и удовлетворенное самолюбіе закупаютъ.

Пріѣздъ Petrarki во Флоренцію долженъ былъ оживить дѣятельность мѣстнаго гуманистического кружка, сплотить его интересы. Petrarka всюду ищетъ рукописей и находить пособниковъ: Лапо ди Кастильонкіо уже прислалъ ему нѣсколько цicerоновскихъ рѣчей⁵⁾, теперь онъ даритъ ему Квинтиліаново *De Institutione oratoria*⁶⁾ и даетъ на поддержаніе цicerоновскій сборникъ, который Petrarka увозитъ въ Воклюзъ, держитъ болѣе четырехъ лѣтъ и списываетъ собственноручно⁷⁾. Его энергія воодушевляла, плодила симпатіи къ дѣлу; и по отѣѣздѣ онъ остается душою кружка: посыпаетъ друзьямъ списокъ найденныхъ имъ рѣчей *pro Archia*⁸⁾; за нимъ продолжаютъ слѣдить, интересуются его работами,

1) № XVII.

2) № XXIII.

3) № XIII.

4) Var. XXIX.

5) Fam. XVI, 14; XVIII, 7; XX, 6.

6) Fam. VII, 16.

7) Fam. XII, 8; XVIII, 11, 12; см. рук. Laur. XXIV, sin. 10.

8) Var. XLV.

Когда-то наконецъ увижу я твою Африку, буколику цѣликомъ, твою комедію въ діалогѣ? пишеть ему Нелли¹⁾. Онъ разумѣлъ юношескую комедію Петrarки, Филологію, которой напрасно добивался Лапо ди Кастильонкіо²⁾, не видѣлъ и Боккаччо, дающій ей название Филострата³⁾. Въ глазахъ энтузіаста Нелли весь гуманистический кружокъ во Флоренціи сплоченъ и держится именемъ Петrarки: собираясь, они взапуски читаютъ его письма, стихотворенія, говорять о немъ; это—его общество (*coetus*), преданный ему легіонъ (*legio devota*)⁴⁾.

Боккаччо принадлежалъ къ нему; къ сожалѣнію до нась не дошли его письма или вообще показанія обѣ его первой встречѣ съ Петrarкой, имѣвшей такое вліяніе на совершившійся въ немъ нравственный и умственный переворотъ. Письма Петrarки, относящіяся къ этому свиданію, носятъ обычный ему скромно-себялюбивый характеръ: онъ невольно примиряется. Засыпавъ о его прибытіи, Боккаччо шлетъ ему привѣтственное латинское стихотвореніе, не дошедшее до нась, и въ холодный но-ябрьскій вечеръ самъ выходитъ на встрѣчу желанному гостю. Почему-то вспоминается другая сцена: вѣздъ юнаго Галеоне-Боккаччо въ Неаполь, когда ему, вздремнувшему на конѣ, представилась въ вѣщемъ сновидѣніи его Фьямметта.

Въ письмѣ отъ 1359 г.⁵⁾ Петrarка поминаетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Боккаччо. Все твое — мое, говоритъ онъ ему, завѣряя въ своей дружбѣ; въ дружбѣ есть различія: одно дѣло — полюбить впервые, другое, когда тебя впервые полюбили; цѣнѣе не то чувство, которое предлагаютъ, а то, которымъ воздаютъ по долгу. Этимъ характеризуется дружба Петrarки: не онъ полюбилъ Боккаччо, онъ лишь отвѣтилъ ему

1) № XIII.

2) Fam. VII, 16; сл. II, 7.

3) Сл. выше стр. 116.

4) № XI, XIV, XVI. Сл. Fam. XVIII, 10 и № XIII у Нелли: quid referam pro-sariam epystolam, ubi de convivii lege tam lepide disceptasti?

5) Fam. XXI, 15.

на его предложение и видеть преимущество въ этомъ обязательствѣ. «Не говоря о многихъ случаяхъ, когда ты побѣждалъ меня знаками вниманія и заявленіями любви, никогда я не забуду, какъ, давно тому назадъ, въ срединѣ зимы, ты увлекся ко мнѣ, спѣшно путешествовавшему тогда по Италии, и не одними лишь чувствами—этими какъ бы стопами души, а, охваченный чудеснымъ желаніемъ лицезрѣть не видѣнаго тобою человѣка, самъ вышелъ мнѣ на встрѣчу, предпославъ прекрасное стихотвореніе, и рѣшившись полюбить меня, пожелалъ явить мнѣ напередъ образъ твоего духа, затѣмъ и твоего лица. Близился вечеръ и день склонялся, когда, вернувшись какъ бы изъ долгой отлучки и вступая наконецъ въ родныя стѣны, я встрѣтился съ тобою, а ты принялъ меня съ почтениемъ и привѣтливостью, не соотвѣтственною моимъ заслугамъ, обновилъ со мною поэтическое свиданіе Анхиза съ аркадскимъ царемъ, «душа которого горѣла юношескимъ желаніемъ назвать Анхиза по имени, соединить съ нимъ десницы». Ибо если я не казался, подобно ему, всѣхъ величественнѣе, наоборотъ, скромнѣе всѣхъ, мое сердце было воспламенено не менѣе. Не подъ кровлей Финея пріютить ты насть, а въ священномъ кровѣ дружбы, а я оставилъ тебѣ въ даръ не знаменитый лукъ и не ликійскія стрѣлы, а мое вѣчное, искреннее благоволеніе. Во многомъ я ниже тебя, только въ этомъ одномъ я не желалъ бы уступить ни Низу, ни Питію, ни самому Лелію». Петrarка забылъ свою параллель Анхиза и Эвандра: Анхиза, скромнаго, но величественнаго¹⁾, къ которому воспыпалъ юношескимъ чувствомъ Эвандръ-Боккаччо.

Въ Римъ Петrarка прїѣхалъ, вѣроятно, въ 20-хъ числахъ октября; отсюда 2-го ноября, глубокой ночью, онъ написалъ первое письмо къ Боккаччо²⁾). Непріятное приключеніе по дорогѣ разрослось у него въ цѣлое событие, въ личный вызовъ судьбы: это она поразила его, подавить его духъ она не въ силахъ. Онъ єхалъ

1) Aen. VIII, 162: cunctis altior ibat.

2) Fam. XI, 1.

съ товарищами, размышиля о томъ, какъ быстро течеть жизнь, какъ мѣняются люди и ихъ намѣренія; ему поминаются стихи его букашки, его прежнія путешествія въ Римъ: когда-то его влекло желаніе повидать его чудеса, въ другой разъ жажда поэтическаго лавра, теперь онъ ёдетъ на юбилей, отложивъ земные помышленія и думая о спасеніи души. Въ это время лошадь Ѳхавшаго рядомъ съ нимъ старого аббата лягнула его коня, а ему раздробила ногу, — и вотъ двѣ недѣли, какъ онъ въ Римѣ, лежитъ въ постель, загнившіяся раны испускаютъ нестерпимый смрадъ — и онъ философствуетъ: какимъ-бы гнуснымъ животнымъ былъ человѣкъ, еслибы благородство души не искупало бренную природу его тѣла! Лежать ему невыносимо, ибо хотя онъ предпочитаетъ стояковъ перипатетикамъ, но, подобно послѣднимъ, любить гулять. Его утѣшає мысль, что пославъ ему такую бѣду, небо пожелало возмѣстить такимъ образомъ за слабое отношеніе къ нему — его духовника; утѣшає еще и надежда увидѣть Боккаччо; ему онъ пишетъ не за тѣмъ, чтобы возбудить его жалость, а потому, что другу пріятно будетъ узнать, какъ покорно онъ перенесъ эту бѣду, какъ перенесетъ все, что не пошлетъ ему Господь¹).

Въ декабрѣ Петrarка снова былъ проѣздомъ во Флоренціи; 7-мъ декабря изъ Ареццо помѣчено его посланіе къ Квintilianu²), вызванное подаркомъ Лапо ди Кастильонкіо. Подъѣзжая къ Падуѣ, наканунѣ Рождества, онъ узналъ объ убиеніи (17 декабря) Якопо да Каррара, падуанскаго тирана, при дворѣ котораго онъ жилъ и къ которому въ самомъ дѣлѣ питалъ расположение и дружбу. Въ похвалахъ, которыя онъ расточалъ ему при жизни³), чувствуется нечто большее, чѣмъ реторика, и онъ поддержи-

1) Письмо Нелли къ Петrarкѣ отъ 19 ноября 1850 говорить объ этомъ приключениіи съ Петrarкой на основаніи его письма къ Боккаччо (*in literis nostro Iohanni Boccaccio directis*). Сл. Cochin, I. c. № I, стр. 156.

2) Fam. XXIV, 7.

3) Fam. VIII, 5; сл. письмо къ Luca Cristiano y Fracassetti, Lettere v. II, стр. 309 и Zardo, Petrarca e i Carraresi, стр. 25 слѣд..

ваются отзывами по смерти, въ посланіи «къ потомству», съ которымъ можно было не стѣсняться. Второе письмо Петrarки къ Боккачью, изъ Падуи отъ 7 генваря 1351 года, говорить о томъ, что онъ потерялъ въ Якопо; начинается оно съ личнаго факта. Оказывается, Боккаччо успѣлъ прислать ему стихотвореніе, полное жалобъ на то, что по рукамъ неучей и простецовъ ходятъ произведенія Петrarки, которыя онъ пишетъ для своей забавы, а къ нему, жадному до всякаго петrarковскаго писанія, ничего не попадаетъ. Петrarка берется за перо, и страннѣмъ кажется намъ его заявленіе, что много времени прошло (*magnum tempus*) съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ стихотворное посланіе Боккаччо—стъ которымъ видѣлся еще такъ недавно. Боккаччо могъ написать ему въ догонку, но тогда *magnum tempus* будетъ простой фразой. Я взялся за перо, пишетъ Петrarка, и тотчасъ-же набросалъ нѣсколько отвѣтныхъ стиховъ, съ единственной цѣлью увѣрить тебя, что я не пренебрегаю твоими жалобами. Написалъ и тотчасъ-же затерялъ въ массѣ другихъ бумагъ, и лишь теперь нашелъ ихъ, когда менѣе всего о томъ помышлялъ. Сначала я подумалъ, что уже не стоитъ болѣе посыпать ихъ тебѣ, но сообразивъ, что все отъ меня исходящее будетъ тебѣ пріятно, чѣмъ выражено и въ послѣднихъ твоихъ стихахъ, я измѣнилъ намѣреніе; кстати, ты убѣдишься, что стихотвореніе въ самомъ дѣлѣ было утеряно. Присоединю и еще одно, дабы ты не составилъ обо мнѣ ложнаго мнѣнія: ты, пожалуй, заключишь изъ стиховъ, написанныхъ нѣкоторое время тому назадъ, что я все еще борюсь съ враждебной судьбой и сомнѣваюсь въ исходѣ, хотя и въ надеждѣ на побѣду. Знай, теперь я увѣренъ, что со временемъ побѣда будетъ полная: я не жалуюсь, какъ бывало, а противопоставляю фортунѣ силы духа, огрубѣвшія къ ощущенію боли, не колеблюсь, а стою. — И онъ разсказываетъ другу о гибели Якопо да Каррара: онъ былъ ему поддержкой, украшеніемъ жизни; никому изъ властителей земли, по смерти короля Роберта, такъ не пристало названіе покровителя, друга наукъ, какъ ему; я всемъ былъ ему обязанъ, весь отдался ему. Сразивъ его, фор-

туна хотѣла нанести мнѣ послѣдній ударъ — но я остался безстрашенъ, и отнынѣ не боюсь этой фуріи, а ненавижу ее и презираю¹⁾.

Очень вѣроятно, что одно изъ стихотворныхъ посланий Петрарки²⁾—именно то, которое онъ набросалъ, чтобы удовлетворить друга: оно развиваетъ нѣкоторыя идеи письма. О если бы я быть дѣйствительно такимъ, какимъ представляеть меня твоя дружба, пишетъ Петрарка, еслиъ судьба дозволила мнѣ усыпить гармоніей стиховъ твои тревожныя заботы, утѣшить твою душу! Но повѣрь мнѣ, твоя дружба обманываетъ тебя. Зачѣмъ сѣтуешь ты такъ, что всѣ читаютъ мои стихи? Меня печалитъ лишь то, что они не доходятъ до друга, который ихъ жаждеть; а я заказываю всякому своему произведенію избѣгать толпы и ея пустыхъ рукоплесканій, предпочитая нравиться немногимъ.— Пишу, а буря судьбы грозно расходилась вокругъ меня; отовсюду печальныя вѣсти: роковая смерть унесла одного друга (Якопо да Каррара?), тотъ погибъ отъ мечей³⁾; одинъ въ заключеніи, другой боленъ, тотъ служить пищей дикимъ звѣрямъ и птицамъ, этотъ рыбамъ въ морѣ. А сколько стрѣль судьба обратила на меня самого, какими таранами поразила мою душу! Но я борюсь съ нею и надѣюсь побѣдить. Пока идетъ борьба, у меня нѣть душевнаго покоя, и ученые люди не похвалять меня за то, что за это время я успѣлъ сдѣлать; но такъ какъ все мое тебѣ любо, пусть будетъ по твоему: прими это небольшое стихотвореніе, прочти строки, написанныя усталой рукою, и перестань жаловаться.

Письмо Петрарки къ Боккаччо, прочитанное въ обществѣ его флорентинскихъ друзей, заставило прослезиться не только

1) Fam. XI, 2.

2) Epist. poet. III, 17.

3) Майнардо Аккурсіо, убитый въ 1349 году разбойниками въ Апеннинахъ. Сл. Fam. VIII, 7; Var. 53 и дневникъ Петрарки у De Nolhac, I. с., стр. 404—5.

читающихъ, но и слушателей. Такъ разсказываетъ Нелли¹⁾: собрались мы, твои поклонники²⁾, на роскошный ужинъ въ честь Франческо Бруни; всѣ мы, радостно живущіе подъ покровомъ твоего славнаго имени, питающіе къ тебѣ благоговѣйную дружбу; пожалуйста, пойми это, какъ слѣдуетъ, не какъ я это выражаютъ. И вотъ каждый изъ насъ вынулъ свой подарочекъ, скорѣе драгоценный даръ, изъ такихъ нѣдръ онъ исходить (письма Петrarки), и когда въ началѣ трапезы разверзлись сердца, чтеніе то радовало насъ, то печалило. Съ жадностью прослушали и прочли мы твое стихотвореніе (*metrum*), столь-же прекрасное, какъ дружественное (*fraternum*)³⁾, затѣмъ, поочередно и къ общему веселью, письма, которыми ты каждого изъ насъ привязалъ къ себѣ узами неразрывной дружбы, ибо они являются молчаливый замогъ твоей любви. Не было среди насъ ни зависти, ни критики, ни глумленія, всѣ соревновали къ прославленію твоего краснорѣчія, величая твое имя, хотя современникамъ и не полагается расточать хвалы.

Среди такихъ то обстоятельствъ завязались отношенія Петrarки и Боккачью. Письма Петrarки даютъ понятіе о впечатлѣніи, которое они произвели другъ на другъ на друга, о содержаніи ихъ флорентійскихъ бесѣдъ. Говорили о борьбѣ съ судьбой, о нравственной выдержкѣ, о любви къ лавру, уступившей жаждѣ спасенія. Послѣдніе дни Декамерона были въ ходу но, очевидно, рѣчь о немъ не поднималась; лишь въ 1373 году, въ письмѣ, заключавшемъ латинскій переводъ новеллы о Гризельдѣ, Петrarка писалъ къ Боккачью съ аристократическою небрежностью: попалась мнѣ въ руки твоя книга, написанная полагаю, въ юныхъ годахъ, не знаю кѣмъ и какъ мнѣ доставленная⁴⁾.

1) *Cochin*, № II, отъ 80 января 1351 года. Изъ письма Нелли оказывается, что и ему Петrarка сообщалъ о смерти Якова да Каррара, но письмо это не сохранилось.

2) *Ceti tuo.*

3) О какомъ стихотвореніи идетъ рѣчь — неизвѣстно; можетъ быть, объ упомянутомъ выше стихотворномъ посланіи къ Боккачью.

4) *Sen. XVII*, 9.

О Декамеронѣ было говорить съ Петраркой! Боккаччо уже переживалъ то настроеніе, которое такъ ярко выразилось въ его инвективѣ противъ флорентійской вдовы, переходилъ отъ любви къ наукѣ, ставилъ себѣ серьезныя задачи въ жизни и поэзіи. Все это Петрарка формулировалъ для него своимъ опытомъ, своей побѣдою надъ собой: онъ такъ же любилъ и пѣлъ любовныя канканы и вышелъ, торжествуя, на путь науки и духовнаго усовершенствованія. Отныне Петрарка станетъ его идеаломъ и руководителемъ; онъ отдается ему съ любовью меньшаго брата, беззавѣтно вѣрящаго словамъ старшаго; имъ онъ повѣряетъ свой внутренній міръ, встрѣчая противорѣчія, старается разобраться въ нихъ, и когда ему случится не найти выхода, ревниво и страстно допрашивается: что это и какъ ему быть? Ему неясны отношенія Петрарки къ славѣ Данте, его служилое положеніе у Висконти — и онъ пишетъ ему о томъ и другомъ почтительно, но настойчиво, ставя вопросъ прямо и, можетъ быть, нѣсколько односторонне; онъ не столько бережетъ репутацію учителя, — она выше подозрѣнія, — сколько хочетъ уяснить себѣ свои собственные взгляды по отношенію къ тѣмъ, которые стали для него образцомъ и мѣриломъ. И Петрарка склонялся къ объясненіямъ, къ роли старшаго друга, ласково шутилъ надъ Боккаччо, когда въ минуты разочарованія, поддержанного беспечной лѣнью, онъ опускалъ руки¹⁾, когда, задѣтый за самолюбіе, онъ отказывался отъ названія поэта²⁾ или въ порывахъ скромности сжигалъ свои итальянскія стихотворенія, потому что ему не сравниться съ Петраркой. Это не скромность, а гордость, твердилъ онъ ему³⁾, но понималъ его болѣзньенную щепетильность, неуживавшуюся въ извѣстныхъ положеніяхъ; нѣть ничего болѣе сходнаго, чѣмъ наши характеры, писалъ ему тогда Петрарка, и нѣть ничего столь противополож-

1) De Cas. VIII, 1.

2) Fam. XVIII, 15.

3) Sen. V, 2.

наго, какъ наши поступки и рѣшенія. Въ его дружбѣ къ Боккаччо чувствуется сердечный тонъ, прорывающійся сквозь декорумъ фразы. Боккаччо не могъ не вызвать его: онъ такъ искренно увлекался Петраркой, такъ довѣрчиво искалъ въ немъ опоры. Имя Петрарки повторяется у него при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ не устаетъ цитовать и перечислять его сочиненія, тогда какъ у Петрарки не найти ни одной ссылки на учёные труды того, который называлъ его своимъ учителемъ. Воззрѣнія на науку, на значеніе гуманистической поэзіи, на призваніе поэта—все это у Боккаччо не петраковское, но получило печать наставника; подъ его вліяніемъ выясняется и для Боккаччо идеалъ литератора, живущаго исключительно для своего дѣла въ уединеніи и досугѣ, которые—кто-то обезпечилъ.

Дороже всего была для Боккаччо нравственная поддержка, которую онъ находилъ въ примѣрѣ Петрарки, въ его побѣдѣ надъ самимъ собою. Пятнадцатая эклога Боккаччо относится, очевидно, къ болѣе поздней порѣ, но она прекрасно опредѣляетъ его отношенія къ тому, кого онъ избралъ своимъ духовнымъ руководителемъ. Бесѣдуютъ Филостропъ-Петрарка и Тифлосъ-Боккаччо: Тифлосъ, то-есть, слѣпотствующій. Слишкомъ долго мы забавлялись, отдавая время вѣнкамъ и нимфамъ, говорить Филостропъ, роковое созвѣздіе грозитъ гибелью нашему стаду; развѣ не видишь ты, что снѣгъ уже покрылъ вершины Цефея, лѣса сложили листья?—Что мнѣ до горъ? отвѣчаетъ Тифлосъ; еще желѣютъ поля, въ кустахъ стрекочутъ цикады.—Ты заблуждаешься: вѣдь это наступаетъ жатва, уже морозъ побилъ цвѣты на поляхъ, градомъ выбиты колосья Цереры; юношами были Іакинѣ и Кипарисъ и красавецъ Адонисъ—и погибли. И намъ надо перемѣнить пастбище, пока есть время.—Тѣ юноши погибли по своей неосторожности, этого никто отрицать не станетъ, но если опасаться всего, чѣмъ грозятъ стадамъ свѣтила, то мнѣ не найти ни одного безопаснаго пастбища. Здѣсь-же хорошо, чего мнѣ искать лучшаго? По прежнему солнце растопить ледъ, распустить снѣга, и вновь зазеленѣть листва.—Смущаетъ тебя своими дарами Хризиса (Бо-

гатство), связала ласковымъ лепетомъ и слезами лукавая Діона (Любовь); когда настанетъ твой роковой часъ, вспомнишь ты, сътуя, мои слова!—Что-же дѣлать, когда такая жизнь мнѣ нравится? моему досугу позавидовали-бы боги, а надежда сулить и большее.—Тогда Филостропъ разсказываетъ о трудахъ и заботахъ, причиняемыхъ Хризидой; это-ли завидный богамъ досугъ! спрашивается онъ, приводя въ примѣръ плачевную участъ любовниковъ Хризиды¹⁾). Но къ чему перечислять многихъ? Мнѣ самому она предлагала когда-то въ этомъ лѣсу свою позорную любовь²⁾.—Увы мнѣ!—восклицаетъ Тифлость; сколько разъ отнималъ я дѣтенышей у медвѣдицы, срывалъ яблоки для Хризиды, похищалъ у горлицы птенцовъ, бѣгомъ и метаниемъ копій снискивалъ вѣнцы, какъ вижу теперь — для ея любовниковъ!³⁾. Отныне одна лишь красавица Діона будетъ владѣть моимъ сердцемъ.—Бѣги ее, ласковую⁴⁾ и жестокую—ты избѣжишь такимъ образомъ гибели души и тѣла.—Что-же она такое сдѣала? Что она была ласкова — но вѣдь она любила! — Что она сдѣала?⁵⁾ спрашиваетъ Филостропъ; спроси, сколькихъ она погубила; ты грѣшишь невѣденiemъ, изгони-же врага, пока не взошелъ еще дождливый Оріонъ.—Поймалъ я волка за уши! возражаетъ Тифлость; ты осуждаешь привязанности, я ихъ-то и ищу⁶⁾). Кто пренебрежетъ дарами Хризиды, кто поцѣдуями и объятіями Діоны? Кто безъ нихъ въ состояніи вынести суровые снѣга и дожди и непогоду? Но что говорить! Не въ первый разъ обнажаются эти буки⁷⁾), не въ первый бѣгъютъ снѣгами горы; все это переживется, и я намѣренъ проводить жизнь въ пѣсняхъ, Хризіда пусть собираетъ мнѣ цвѣты, Діона вѣнчаетъ.—Но этотъ жаръ

1) *Moechis cultoribus.*

2) *Obscenos.... amores.*

3) *Curruque pedum jaculisque coronas—Quaesivi moechis, video.*

4) *Blandam.*

5) *Quid meruit?*

6) *Quos damnat amores—Hos cupio.*

7) *Fagos.*

пройдетъ, погибнетъ на лугахъ твое стадо, и Плачь и Трудъ, Мука и Горе увлекутъ тебя въ мрачныя дебри Аверна¹). — Если таково твое мнѣніе, другъ, то милыя забавы нашего возраста проходятъ для тебя даромъ, возражаетъ Тифлосъ, намекая далѣе на VII эклогу Петрарки, гдѣ паstryръ Митіонъ — аллегорическій образъ папства, отдавшагося мірскимъ успѣхамъ, Эпи изображаетъ Авиньонъ. Помню я, продолжаетъ Тифлосъ, пѣсни знаменитаго паstryря Эпи: что всѣмъ одинаково предстоитъ утратить вмѣстѣ съ тѣломъ и душу! — Въ умѣ-ли ты! восклицаетъ Филостропъ; неужели ты вѣришь давно осужденныимъ словамъ того старца? Развѣ не знаешь ты, про что говорилъ Аристонъ и самосскій паstryръ и всѣ паstryхи, оглашающіе пѣснями римскія рощи: что бессмертныя души людей отпали отъ божества и по опредѣленію Спасителя²), древле очистившаго лѣса и стада своею кровью, восходятъ ввысь къ блаженному пребыванію, если онѣ не грѣховны, грѣховныя-же идутъ по смерти въ мрачный огонь? ³). Желалъ-бы я, о Тифлосъ, чтобы ты ихъ избѣжалъ и взыскалъ иные утесы и скалы? — Смѣшное говоришь ты, Филостропъ, хочешь, чтобъ я, оставивъ вѣрное, послѣдоваль неизвѣстному? — Но что-же ты считаешь вѣрнымъ? Все уносить время, все мыняется; но есть вѣчное, неизмѣняемое — и Филостропъ совѣтуетъ Тифлосу взыскать зеленыя сѣни, гдѣ великій Теоскиръ пасеть избранное стадо, питающееся, когда нарушить долгій постъ, травой и водой, которыя подаются ему скалы. — Мнѣ-ли пойти къ старцу Теоскиру, телцу котораго я когда-то похитилъ, законы и обряды котораго попирали ногами, бросалъ на пожраніе свиньямъ Діоны? Не пойду я, боюсь его гнѣва! — Не знаешь ты его нравовъ, убѣждаетъ Филостратъ, изображая блаженное житіе, которое его ожидаетъ; тамъ ты осудишь и

1) *Teque Thrinos Ponosque trahent, Thlipsisque Lipisque—In scotinas silvas famuli pastoris averni.*

2) *Soter.*

3) *Focos intrare Typhlaeos.*

Хризиду и грязную Діону. — Тифлосъ обращенъ: онъ самъ желаєтъ идти, его духовныя очи разверзлись, онъ понялъ, какія опасности окружали его; приди, о прекрасная Палесть, пожалѣй грѣшника, отецъ Теоскиръ! Какъ бѣжать мнѣ отсюда, какъ освободиться отъ цѣпей Хризиды и Діоны? — Ты былъ мужемъ, пока обрѣтался въ берлогѣ Полифема, говорить Филостропъ, теперь, когда удалены препятствія, ты сталъ женщиной! Будь собою, пойдемъ вмѣстѣ къ лучшей цѣли¹). — Но трудный путь страшитъ меня, страшитъ высота, у меня не хватить силъ! — Ты еще не порвалъ узы, прогони зловѣщихъ птицъ, чтѣ летаютъ передъ твоими очами; путь труденъ лишь вначалѣ, съ усилиемъ явятся и силы. Встань, уже солнце спускается въ волны. — Я иду, меня влечетъ, будь ты первымъ на пути! Прощай, о лавръ, идемъ сорвать пальмовую вѣтвь на берегахъ Сиріи!

Самъ Боккаччо объяснилъ въ посланіи къ брату Мартину изъ Сины значение этой эклоги: подъ Филостропомъ онъ разумѣлъ «славнаго учителя своего Франческо Петрарку, часто побуждавшаго меня, презрѣвъ любовь къ мірскому, направить мысли на вѣчное и обратившаго мои любовныя вожделѣнія (*amores meos*), хотя и не всецѣло, на лучшее». Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда началось вліяніе Петрарки, противорѣчіе мірской славы, науки (лавра) — и христіанского идеала (пальма Палестины), очевидно не было поставлено такъ рѣзко; этотъ вычетъ необходимо сдѣлать, чтобы пріурочить содержаніе эклоги къ тому періоду броженія, который характеризуетъ Корбаччо. Содержаніе само по себѣ ясно: для обоихъ поэтовъ наступила жизненная осень, пора оставить вѣнки и нимфы, подумать о душѣ. Петрарка уже пришелъ къ этому убѣждѣнію, онъ самъ сознается, что увлекался мірскими благами, увлекался и любовью, намекаетъ Боккаччо,— а самъ онъ еще слѣпотствуетъ: положимъ, его погоня за богатствомъ не удалось, но Діона-любовь еще вѣрна ему, и зима его не пугаетъ: еще зазеленѣютъ луга! Петрарка побуж-

1) *Meliora.... petamus.*

даєть его и коригтъ, указывая на пути спасенія. Намеки ясны: Теоскиръ (Христосъ), Палесь (Богородица!); передъ Теоскиромъ Боккаччо чувствуетъ свою вину: онъ попиралъ его законы (быль плохимъ христіаниномъ), похитилъ его телицу (душу?)—что такъ и останется для насъ загадкой. Мы уже сказали, что въ началѣ 50-хъ годовъ противорѣчія могли быть иные: соблазны любви и облагороживающія цѣли науки; на нихъ указывалъ Петрарка.

IV.

Въ слѣдующемъ же 1351-мъ году Боккаччо увидѣлся съ нимъ еще разъ по особому поводу. Во Флоренціи существовалъ съ 1348-го года університетъ (studio) съ двумя факультетами: юридическимъ и медицинскимъ; широкое развитіе гуманістическихъ дисциплинъ побудили флорентійцевъ основать и у себя соотвѣтствующую каѳедру. Кандидатомъ былъ назначенъ Петрарка: его побуждали вернуться подъ свой кровъ, возвращали имущество, отнятое у отца, осыпали похвалами. Боккаччо назначили лично передать ему приглашеніе, не дѣловую бумагу, а панегерикъ знаменитому гуманисту. Давно наслышались мы о славѣ твоего имени, любезнейшій согражданинъ, счастливый сынъ нашей родины! пишутъ ему пріоры и гонфalonьеръ; среди твоихъ современниковъ и соотчичей, начальниковъ и гражданъ ты встрѣтишь любовь и привѣтъ. Въ нашихъ отеческихъ къ тебѣ чувствахъ мы положили предоставить тебѣ твои родовые поля, выкупленныя на средства республики у частныхъ лицъ; даръ небольшой, но оцѣни его согласно не съ твоими заслугами, а съ обычаями и законами нашего города, гдѣ никакой другой гражданинъ не былъ бы того удостоенъ. Зачѣмъ искать тебѣ на чужбинѣ рукоплесканій и покоя? Развѣ не влечетъ тебя къ родинѣ? О комъ другомъ скажетъ она съ Виргiliемъ: такимъ-то сыномъ гордится отчизна? ¹⁾). Мы не Цезари и не Меценаты, но также дорожимъ славой человѣка, един-

1) *Tellus haec tali se jactat alumno.*